

Академик Н. М. ДРУЖИНИН

ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ В СРАВНЕНИИ СО СТРАНАМИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И США

Последовательная смена социально-экономических формаций — неизменный закон единого всемирно-исторического процесса. Условия этой смены были предметом научного анализа основоположников марксизма-ленинизма. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин особенно подробно изучали генезис капиталистического способа производства; основные выводы их исследований служат для нас методологической опорой при изучении возникновения капитализма в различных странах Европы, Америки и Азии.

Необходимой предпосылкой зарождения капиталистических отношений является определенный уровень развития производительных сил. Технические навыки в области промышленного и сельскохозяйственного труда должны достигнуть такой высоты, чтобы сложилось не только техническое, но и общественное разделение труда, чтобы промышленность отделилась от земледелия и наметилась экономическая специализация различных районов страны. Таков исходный пункт, с которого начинаются развитие товарного производства и неизменно сопутствующие ему процессы — образование достаточно емкого рынка и усиление роли торгового капитала. Уже на этой ранней стадии генезиса капитализма торговец превращается в скопщика товаров разрозненных мелких производителей, а его посредническая функция начинает перерастать в преобразование самого производства. Однако товарное производство не может перейти в капиталистическую стадию без первоначального накопления капитала, которое слагается из двух процессов — массовой экспроприации непосредственных производителей и образования достаточно крупных денежных капиталов. Так создаются условия для формирования противостоящих классов, с одной стороны, свободных продавцов рабочей силы, с другой — обладателей средств производства, которые присваивают в форме прибыли прибавочную стоимость, создаваемую рабочими.

В этом сложном процессе, как правило, передовая роль принадлежит промышленности; она обгоняет сельское хозяйство и последовательно проходит стадии: простой капиталистической кооперации; мануфактуры, основанной на техническом разделении ручного труда; и фабрики, оснащенной машинами, частично или полностью заменяющими труд человека. Капитализм побеждает только тогда, когда в промышленности происходит технический переворот, когда создается крупное фабричное производство и начинается концентрация значительных масс рабочих на предприятиях. Именно этот перелом в развитии производительных сил радикально изменяет прежние общественные отношения, привлекает на фабрики массы женщин и детей, способствует быстрому росту городов, порождает напряженную борьбу за рынки и обостряет классовую борьбу между предпринимателями и рабочими.

В соответствии с изменениями базисных, экономических отношений происходят коренные сдвиги в политических, правовых, идеологических отношениях людей, а изменяющаяся надстройка начинает оказывать обратное воздействие на ход социально-экономической жизни. Переход от феодализма к капиталистическому способу производства сопровождается глубокими классовыми конфликтами: революциями при активном участии трудящихся или реформами, проводимыми феодальной властью под давлением массового революционного движения.

Таковы общие закономерности, свойственные всем вариантам генезиса капитализма в странах различных континентов. Однако это не значит, что описываемый процесс происходит синхронно и всюду принимает единообразные формы. К. Маркс не раз предупреждал в своих трудах против примитивного представления о возникновении капитализма. Он говорил, что «один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т.д., — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств»¹. Исследователи, изучающие генезис капитализма в той или другой стране, должны помнить это методологическое положение К. Маркса, подтверждаемое конкретными фактами всей новой и новейшей истории. Применяя сравнительно-исторический метод, мы имеем возможность не только проследить общие законы зарождения капиталистической формации, но и выделить национальные особенности такого всемирно-исторического явления. Только при данном условии мы получим правильное диалектическое представление о генезисе капитализма в различных странах, в частности в России.

В свое время К. Маркс ярко осветил генезис капитализма в Англии. На английском материале яснее обнаруживались общие законы смены феодального строя капиталистическим, поскольку именно Англия являла собой классический пример такого перелома. Поэтому анализ его английских особенностей должен предшествовать сопоставлению России с крупнейшими странами Европы и Америки.

Сами природные условия помогали Англии занять передовое место в экономической жизни Западной Европы. Положение большого острова на берегах Атлантического океана и Северного моря не только защищало страну от нападения извне, но — что особенно важно — открывало перед ней возможность широкой морской торговли. Население Англии было относительно однородным и достаточно уплотненным — то и другое ускоряло темпы ее хозяйственного развития. Уже в XIV—XV вв. английские купцы начали завозить свои товары не только на Европейский континент, но и в далекие восточные страны. После открытия Америки и ее колонизации английскими иммигрантами торговые связи расширились в направлении на запад. С начала XVI в. в Англии стала складываться крупная мануфактура (преимущественно в суконном производстве), подрывавшая устои средневековых цехов. К этому времени английские землевладельцы, платившие оброк феодалам, в порядке частноправовых сделок успели освободиться от крепостного права. Выгоды овцеводства, обеспечивавшего сырье суконной промышленности, побудили землевладельцев начать в свою пользу огораживание общинных земель; непосредственные сельские производители, несмотря на упорное сопротивление, беспощадно сгонялись с их участков, прекращали самостоятель-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.

ное хозяйство и становились частью пауперами, частью наемными рабочими. По известному выражению Томаса Мора, «овцы поедали людей» а крупные землевладельцы и мануфактуристы обогащались ценой разорения мелких самостоятельных тружеников. Так начался процесс «первоначального накопления», усиленный в XVI—XVII вв. присвоением монастырских земель, расхищением государственных имуществ и захватом осужденных болот.

По мере роста промышленности и торговли росла и крепла английская буржуазия; она не ограничилась усилением своего хозяйственного влияния и, в союзе с «новым дворянством», втянутым в капиталистические отношения, начала борьбу против королевского абсолютизма и официальной церкви. Боевой силой революции 1642—1649 гг. выступали трудящиеся массы города и деревни, но они не были достаточно организованы и не могли использовать одержанную победу в собственных интересах. Конфискованные земли роялистов и епископов были раскуплены имущими верхами; были уничтожены феодальные ограничения буржуазной собственности, но сохранились феодальные сборы с крестьян; огораживания общинных земель продолжались и принимали все более массовый и беспощадный характер. В XVIII и первых десятилетиях XIX в. на основании актов английского парламента миллионы акров земли перешли в руки лендлордов и буржуазии. В результате этой насилиственной экспроприации подвергся почти полному уничтожению свободный класс английского крестьянства. Революция середины XVII в. коренным образом изменила соотношение общественных сил в стране. Колонизация отдаленных стран, и прежде всего овладение богатствами Индии, необычайно укрепили роль английского капитала. Англия стала первенствующей морской державой Европы и на основе своего колониального могущества быстрыми темпами двинулась вперед по пути капиталистического накопления. Создание банковского кредита и введение протекционных пошлин сильно способствовали аккумуляции денежных средств.

Новым этапом в процессе генезиса капитализма был промышленный переворот, начавшийся во второй половине XVIII в.; на основе машинной техники выросла крупная фабричная индустрия, сначала текстильная, затем металлургическая и металлообрабатывающая, нанесшая смертельный удар мелкому ручному производству. Одновременно с перестройкой промышленности происходила коренная рационализация сельского хозяйства; удобрение почвы, разведение корнеплодов, плодопеременная система земледелия, применение усовершенствованных орудий и машин потребовали от сельских хозяев крупных капиталовложений. Не только дворяне, но и городские буржуа и разбогатевшие крестьяне пополняли собой ряды сельских хозяев. Капиталистическая аренда стала господствующим явлением в сельскохозяйственной жизни страны. Английское общество окончательно раскололось на три основных класса: крупные землевладельцы, предпочитавших без всякого труда получать земельную ренту; торговую-промышленную буржуазию и предпринимателей-фермеров, выжимавших высокую прибыль путем применения наемного труда; массу городских и сельских рабочих, продававших свою рабочую силу и живших на заработную плату. Таким образом, генезис капитализма в Англии был отмечен радикальной ломкой феодальных отношений исчезновением класса мелких сельских производителей и наиболее полным подчинением экономической жизни законам капиталистического развития.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 725—773; «Английская буржуазная революция XVII века», т. I, II. М., 1954; «Всемирная история», т. IV гл. XII; т. V, гл. I—III, XII, XX. М., 1958; т. VI, гл. IX, XIII, XVII. М., 1959; В. М. Лавровский. Парламентское огораживание общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX в. М.—Л., 1940; Е. Г. Же. Исследование по аграрной истории Англии XVII—XIX вв. М., 1966; А. Тойнби. Промышленный переворот в Англии. М., 1924; П. Манту. Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М., 1937.

Иную форму, чем в Англии, имел генезис капитализма во Франции. Правда, условия, в которых происходили зарождение и развитие капитализма в обеих странах, отмечены сходными чертами. Так же как Англия, Франция имела большую приморскую границу, непосредственно соприкасаясь с Атлантическим океаном и Средиземным морем,— это способствовало раннему развитию внешней торговли с другими государствами. В условиях растущих товарно-денежных отношений во Франции, так же как в Англии, крестьяне рано освободились от крепостной зависимости. На рубеже средневековья и нового времени крестьянство состояло из двух основных прослоек: цензитариев, которые продолжали платить оброк землевладельцам, и арендаторов, снимавших мелкие участки преимущественно за натуральную плату. Во Франции, как и в Англии, помещики редко имели собственную, барскую запашку, ограничиваясь получением феодальной ренты. Хотя территория Франции дробилась на различные провинции, сохранившие стариные традиции, ее население было так же однородно в национальном и экономическом отношении, как в Англии,— здесь не было резких различий в уровне хозяйственного развития.

Однако Франция (в отличие от Англии) позднее вышла на путь капиталистического развития: ее внешняя торговля не получила такого широкого размаха; внутренний обмен рос медленнее, не разрушая натурального хозяйства более отсталых районов. Колониальная экспансия Франции началась только в XVII в. и не могла обеспечить местным купцам и промышленникам тех баснословных богатств, которые достались на долю английских колонизаторов. Не меньшие различия наблюдались в политическом строе обоих государств: в противоположность Англии, очень рано завоевавшей у королей право самоуправления, Франция на рубеже нового времени приняла форму абсолютной монархии, в основном опиравшейся на феодальное дворянство и оберегавшей пережитки средневековых институтов. Хотя крестьянство пользовалось личной свободой, оно изнемогало под бременем многочисленных государственных налогов и поборов в пользу церковных и светских феодалов. Отсюда — более замедленный, чем в Англии, рост первоначального накопления, менее быстрое развитие не только централизованной, но и рассеянной мануфактуры, сохранение системы государственных откупов и дворянских привилегий, которые суживали рамки внутреннего рынка. Если в XVII в. Английская буржуазная революция расчистила широкий путь для капиталистического развития, то во Франции этого времени абсолютная монархия только достигла апогея своего развития.

С другой стороны, несмотря на попытки землевладельцев присвоить себе общинные земли, французская деревня сумела сохранить институт поземельной общины и феодальный класс мелкого крестьянства. Однако и здесь в XVII—XVIII вв. цеховое ремесло постепенно уступало место капиталистической мануфактуре; здесь тоже расцвели крупные предприятия (преимущественно производившие предметы роскоши), а буржуазия мало-помалу завоевывала экономические позиции на внешнем и внутреннем рынке. В конце XVIII в. разложение феодально-абсолютистского строя вызвало финансовый и торгово-промышленный кризис, который сопровождался обнищанием землевладельцев и рабочих.

Борьба буржуазии за власть слилась с массовыми восстаниями крестьянства и городского плебса. Французская революция 1789—1794 гг. приобрела ярко выраженный демократический характер. В процессе революционных преобразований были полностью уничтожены остатки феодализма, конфискованы и распроданы церковные земли, имения эмигрировавшей аристократии и лиц, враждебно настроенных к революции. Мелкие участки покупали также рядовые землевладельцы. В противоположность Англии, французское крестьянство не только уцелело, но и закрепило за собой парцелярную собственность, до известного момента обеспечившую ему ведение самостоятельного мелкого хозяйства.

Буржуазно-демократическая революция дала толчок промышленному перевороту, который развернулся, главным образом, в первые десятилетия XIX в. Франция стала крупной капиталистической державой, но не смогла достигнуть того уровня развития, который завоевала себе Англия. Сравнивая экономическое положение обеих стран в 50-х годах XIX в., К. Маркс отмечал, что во Франции «система парцеллирования... удерживала значительную часть населения прикрепленной к земле и занятиям на ней». Мелкие земельные собственники были привязаны к своему участку, дорожили своим хозяйством и не хотели покидать родину. Вот почему промышленные предприятия Франции были менее концентрированы, чем в Англии, имели относительно меньшие машины и паровых двигателей на каждого рабочего и, следовательно, обладали меньшей производительной силой труда. «Отсюда видно,— добавляет Маркс,— как необходима экспроприация земли для развития крупной промышленности»³. Но парцелярная земельная собственность не выдерживала, по мере роста капитализма, конкуренции с крупными сельскохозяйственными предприятиями; постепенно она становилась жертвой ростовщического капитала, уступая место крупным имениям и обширным капиталистическим фермам.

Таким образом, отличительной чертой генезиса капитализма во Франции было временное преобладание парцелярной крестьянской собственности и отставание от Англии в техническом оснащении и концентрации промышленности⁴.

Самое крупное германское государство — Пруссия — дает пример иного зарождения и развития капитализма, чем Англия и Франция. В отличие от передовых стран Западной Европы, она была удалена от океанических торговых путей; прусские гавани по Северному и Балтийскому морям не могли соперничать с атлантическими портами в отношении экспорта и импорта товаров. Тридцатилетняя война 1618—1648 гг., обезделившая и истощившая Германию, привела к длительному хозяйственному застою и закрепила раздробление страны на самостоятельные княжества. Во второй половине XVII в., когда английские свободные крестьяне стали жертвой массовой экспроприации, а французские страдали от феодальных поборов, хотя и пользовались личной свободой, сельские области Пруссии, расположенные на восток от Эльбы, пережили процесс «вторичного закрепощения»: под влиянием повышенного спроса на хлеб и сельскохозяйственное сырье со стороны Англии и Голландии, прусское феодальное дворянство превратило земледельцев частично в «наследственных подданных», частично — в безземельных батраков. Расширяв барскую запашку и заставив крепостных отбывать барщину, земельные собственники обеспечивали себе крупные доходы от своих имений.

В промышленности Пруссии господствовало в это время цеховое ремесло с принудительной регламентацией производства и сбыта изделий. Городов было мало, а торговые связи между городом и деревней оставались слабыми и не могли способствовать обогащению бургерства. Несмотря на усиление экспорта сельскохозяйственных продуктов, импорт иностранных товаров был значительно, и торговый баланс сводился с убытком для государства. Бранденбургские курфюрсты, ставшие прусскими королями, создали сильную военно-крепостническую монархию, охранявшую систему крепостничества и привилегии дворянства.

³ «Архив Маркса и Энгельса», т. II(УП). М., 1933, стр. 249—257; см. также: Т. Л. Артемьев. Карл Маркс о некоторых особенностях развития капитализма во Франции.—«Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС», 1968, № 17.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 84—85; т. 8, стр. 210—211; «Французская буржуазная революция 1789—1894». М.—Л., 1941; «Всемирная история», т. IV, гл. IX; т. V, гл. V, XXXII. М., 1958; т. VI, гл. I, VI, IX. М., 1959; Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха капитализма, гл. II и XI. М., 1961; Ж. Лefevre. Аграрный вопрос в эпоху террора (1793—1794). Л., 1934.

Отгороженная от других германских государств таможенными границами и перерезанная такими же внутренними заставами, Пруссия XVII—XVIII вв. представляла собой экономически отсталое государство, жившее традициями феодального средневековья.

Однако влияние мирового хозяйства не могло обойти даже отдаленные остэльбские области. Военные и фискальные мотивы прусских государей неизбежно толкали их по пути экономических нововведений. Обезлюдовавшая после Тридцатилетней войны, Пруссия заселялась колонистами с европейского Запада; в числе этих иммигрантов были французские гугеноты — опытные ремесленники и торговцы. Ведя завоевательную политику и создавая большую армию, прусские короли поощряли развитие крупных мануфактур, поставлявших армии оружие и военное обмундирование. Независимо от государственной власти, в сельских местностях развивались текстильные и металлообрабатывающие промыслы, свободные от цеховой регламентации и мало-помалу подчинившиеся скрупульским в отношении сбыта и производства продуктов. Процесс первоначального накопления происходил медленно и встречал многочисленные препятствия: крепостное право суживало рынок рабочей силы, а живучесть натурального хозяйства и отсутствие колоний исключали для Пруссии возможность быстрой аккумуляции денежных капиталов.

В городах продолжало господствовать цеховое ремесло. Только в немногих промышленных центрах — в Берлине, Силезии, Золингене — наблюдался процесс перерастания рассеянной мануфактуры в крупные централизованные предприятия. Формировавшаяся прусская буржуазия и в хозяйственном, и в политическом отношении была слабой, зависимой от государственной власти и от феодального юнкерства.

Несмотря на свою активную внешнюю политику, Пруссия не могла состязаться в экономическом, а следовательно, и в военном отношении с буржуазной Францией, преобразованной революционным переворотом XVIII в. В 1806 г. Пруссия была разгромлена наполеоновской армией и вынуждена во имя собственного спасения приступить к реформе своего отсталого аграрного строя. Частновладельческие крестьяне остэльбских областей эдиктом 1807 г. были освобождены от крепостного права (дворцовые и померанские крестьяне формально были освобождены еще в конце XVIII в.). За этим эдиктом последовали новые законы — о выкупе феодальных повинностей, причем от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ наделов переходили в собственность крестьян, а остальная земля поступала в качестве вознаграждения помещику. Эти реформы встретили сильное сопротивление со стороны юнкерства и были обставлены позднее различными ограничениями: круг крестьян, подлежащих объявленному «регулированию», был значительно сокращен, а размеры выкупных платежей сильно увеличены. Одновременно происходила ликвидация общинных порядков — в частности принудительного севооборота и чересполосицы.

Реформы открыли возможность более производительного использования земли: трехполье стало уступать место плодосменной системе, развитию кормовых культур, широкому разведению и промышленному использованию картофеля и свеклы. Однако эти изменения происходили преимущественно на землях помещиков и частично — зажиточных крестьян; мелкие же земледельцы, за редкими исключениями, не могли внести выкупных платежей за обрабатываемые земли и продолжали применять рутинные приемы обработки почвы.

Тем не менее аграрные реформы оказали определенное влияние на развитие промышленности и торговли: в последующее десятилетие увеличилось число централизованных мануфактур и началось в более широких масштабах введение машин. С 1835 г. в Пруссии стала развиваться железнодорожная сеть, было проведено много шоссейных путей, на речных магистралях усилилось пароходное сообщение. Крупные ярмарки в Лейпциге и Франкфурте-на-Одере свидетельствовали об успехах внутреннего

обмена. Были устраниены внутренние таможни и заложены основы будущего общегерманского Таможенного объединения. Увеличилась добыча угля и железной руды, повысился экспорт железа и металлических изделий, а также текстильных изделий и галантереи. Растущая дифференциация крестьянства и применение наемного труда заметно оживили хозяйственную жизнь Пруссии. В этот переходный период от феодализма к капиталистическому строю положение трудящихся города и деревни было крайне тяжелым: промышленные рабочие и сельские батраки подвергались сильной эксплуатации, а средние и мелкие крестьяне страдали от феодальных пережитков и невозможности перейти к самостоятельному хозяйству.

Только революция 1848 г., сопровождавшаяся нападениями крестьян на дворянские замки и уничтожением ненавистных феодальных и выкупных документов, заставила правительство довести до конца начатые аграрные реформы. Хотя прусская буржуазия обнаружила в этот период политическое бессилие и классовый страх перед рабочим движением, прусское юнкерство пошло на дальнейшие уступки крестьянству: законами 1850—1852 гг. были отменены все оставшиеся повинности и в обязательном порядке произведен выкуп феодальной ренты. По подсчетам Ф. Энгельса, крестьяне заплатили помещикам около миллиарда марок.

С этого момента хозяйственная жизнь Пруссии окончательно вошла в русло капиталистического развития. 50-е годы XIX в. были временем промышленного подъема, создания множества акционерных компаний, усиленной постройки железных дорог, роста производительных сил города и деревни. Тем не менее, революция 1848—1849 гг. не привела к тем результатам, какие имела Французская революция XVIII в.: в Пруссии сохранилась не только монархия Гогенцоллернов, но и господство юнкеров в сельскохозяйственной и политической жизни. Среди крестьян окрепла зажиточная прослойка «гроссбауэр»; основная крестьянская масса оказалась опутанной долгами и непрерывно выделяла из своей среды разорявшихся хозяев, которые пополняли промышленную резервную армию. Таков был прусский путь аграрного капиталистического развития, одинаково далекий от массового обезземелиния крестьян в Англии и от революционного закрепления парцеллярной собственности за французскими землевладельцами.

Пруссия позднее, чем Англия и Франция, вышла на дорогу капитализма; она могла заимствовать последние технические изобретения у более передовых стран и, следовательно, ускорить темпы капиталистического накопления, но в ее социально-экономическом строе сохранилось гораздо больше остатков феодального прошлого в результате ее прежней отсталости и засилия крупного помещичьего землевладения⁵.

Генезис капитализма в Соединенных Штатах Америки частично приближался к английскому варианту, но в основном резко отличался от него и ходом своего развития, и конечными результатами. Основное ядро будущих Соединенных Штатов образовали английские колонии, сложившиеся в XVII—XVIII вв. в результате массового наплыва иммигрантов из метрополии. Здесь были не только искатели нахивы, мечтавшие о быстром обогащении на плодородных землях заокеанских владений; сюда стремились в поисках счастья обезземеленные крестьяне, разоренные городские ремесленники, представители религиозных течений, даже осужденные преступники. Перед ними открывалась новая страна с об-

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 246—257; «Всемирная история», т. V, гл. XVII; т. VI, гл. IX, XVI; П. Кампфмейер. История общественных классов в Германии. СПб., 1906; С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968, гл. XI; Ф. Я. Полянский. Указ. соч., гл. VI, XIV; Г. Ф. Кнапп. Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях прусской монархии. СПб., 1900; В. Зомбарт. Современный капитализм, т. II, гл. V. М., 1904; е же. Народное хозяйство Германии в XIX и начале XX в. М., 1924.

ширными редко заселенными землями, с богатыми залежами полезных ископаемых и с разрозненными племенами аборигенов-индейцев, беззащитных против европейского оружия и более высокого уровня хозяйственной и бытовой жизни. Колонисты принесли на новую родину трудовые навыки и экономические достижения покинутой метрополии. Английские власти пытались насадить в американских колониях феодальные порядки и превратить свои заморские владения в сырьевой призрак капитализирующейся Англии. Короли раздавали большие пространства земель английским аристократам, которые пользовались трудом неимущих колонистов («обязанных слуг», т.е. по существу белых рабов). В метрополии издавались законы об ограничении хозяйственного развития колоний. Из американских владений выкачивались не только сырье, покупаемое по дешевым ценам, но и крупные денежные налоги.

Однако упорная борьба за сохранение самостоятельного хозяйства и, главное, благоприятные природные условия помогли американским колонистам прочно стать на ноги: они настойчиво продвигались на запад и юг, захватывая девственные леса и прерии, овладевая землями с богатейшими залежами железной руды и угля. Эта многолетняя экспансия колонистов протекала в обстановке беспрерывной и беспощадной борьбы с местным населением. Истребление индейцев, лишение уцелевших племен их исконных прав, помещение их в специальные резервации были одним из элементов первоначального накопления капитала в Северной Америке.

Наряду с обширными владениями богачей, которые спекулировали землей и сдавали ее в аренду, приобрело большое развитие «скваттерство» — самовольное занятие свободных пространств неимущими колонистами, создававшими очаги мелкого сельского хозяйства. Крупные капиталисты захватили в свои руки тучные черноземные земли в южной части страны; здесь образовались обширные табачные, а впоследствии хлопковые и сахарные плантации, которые за недостатком местной рабочей силы обрабатывались купленными африканскими неграми.

Работторговля в XVII—XVIII вв. стала одним из самых прибыльных предприятий английских спекулянтов. Рабский труд приносил огромные барыши американским плантаторам, но не стал определяющим моментом в хозяйственной жизни колоний. Главную роль на Севере приобрела капиталистическая мануфактура в судостроении, текстильной промышленности и металлургии; она вырастала органически из мелкого производства и развивалась благодаря расширению внутреннего рынка и сбыту произведенных товаров в Вест-Индию и Европу. Так же как и в Англии, использование мировых океанических путей оказалось сильное влияние на хозяйственное развитие колоний.

В течение XVII—XVIII вв. богатые американские земли стали яблоком раздора между Англией и другими европейскими государствами — Францией, Голландией, Испанией. Колониальные войны переплетались с преследованием сопротивлявшихся индейцев, с усилиями колоний отстоять свою самостоятельность, с классовой борьбой между мелкими фермерами и теми, кто сумел захватить лучшие земли и нажить крупные капиталы.

В середине XVIII в. борьба между колониями и метрополией привнесла острый характер и вылилась в форму открытой войны против политического господства Англии. Опираясь на свою экономическую силу, вдохновленные лозунгом независимости, используя передовую идеологию Просвещения, английские колонии Северной Америки превратились в самостоятельное федеративное государство. Война за независимость была буржуазной революцией, которая сопровождалась уничтожением рабства в северных штатах, национализацией владений английской аристократии, созданием крупного национального земельного фонда, раздачей и распродажей свободных земель. Несмотря на упорное сопро-

тивление власть имущих, новое государство в 1841 г. санкционировало сложившийся институт скваттерства.

Завоевание независимости дало сильнейший толчок экономическому развитию США. Наплыв иммигрантов из европейских стран обеспечил наличие свободной рабочей силы. Началось лихорадочное строительство каналов, шоссейных дорог, а вследствие — железнодорожных путей сообщения. В 30—40-х годах XIX в. сельское хозяйство стало оснащаться усовершенствованными орудиями и машинами. Преобразование техники в английской промышленности повлекло за собою промышленный переворот и в Соединенных Штатах. В середине XIX в. в Северной Америке насчитывались тысячи фабричных предприятий с сотнями тысяч промышленных рабочих. Непрерывно расширяя свои владения, США достигли берегов Тихого океана и раздвинули границы своего экспорта в сторону азиатского Востока. На рубеже XIX в. уже началось стачечное движение наемных рабочих — наглядный показатель социального антагонизма между сложившимися классами — пролетариатом и буржуазией.

Но чем успешнее развивался американский капитализм, тем острее давали себя чувствовать хозяйствственные противоречия между передовым индустриальным Севером и плантаторским рабовладельческим Югом. Наличие рабства суживало внутренний рынок страны, понижало производительность труда на плантациях и вызывало кризис плантационного хозяйства. По временам вспыхивали восстания рабов, боровшихся за освобождение; десятки тысяч порабощенных негров бежали от своих хозяев в свободные северные и западные штаты, заселяя неосвоенные районы. Вопрос о ликвидации рабства выдвинулся на первое место и привел к Гражданской войне 60-х годов XIX в. между промышленным Севером и плантационным Югом. По своему содержанию и последствиям это была вторая буржуазная революция. В разгар борьбы федеративное правительство опубликовало закон о гомesteadах, дававший право неимущим бесплатно занимать свободные участки на колонизуемых землях. Победа северян привела к ликвидации рабства и к юридическому уравнению негров с белым населением. Но хотя осуществленные меры дали мощный толчок капиталистическому развитию Соединенных Штатов, они не могли ликвидировать до конца всех пережитков прошлого: фактическое положение негров оставалось неравноправным, несмотря на проведенную «реконструкцию» Юга — раздробление латифундий, устранение активных защитников рабства и пр.; большинство негров превратилось в арендаторов-издольщиков на землях тех же крупных плантаторов. Вместе с тем, начался, в условиях буржуазной конкуренции, процесс концентрации мелких ферм в крупные капиталистические хозяйства.

Таким образом, генезис капитализма в США сильно отличался от соответствующего процесса в странах Западной Европы: первоначальное накопление капитала неразрывно сплеталось здесь с колонизацией богатого слабо заселенного края, сопровождалось двумя буржуазными революциями и привело к быстрому росту не только капиталистической промышленности, но и фермерских сельских хозяйств — рассадников крупного, технически оснащенного земледелия и животноводства. Особенности свободного американского аграрно-капиталистического пути развития, о котором говорил В. И. Ленин, создавали прочную опору для дальнейшего ускоренного развития индустрии США⁶.

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, стр. 337—356; т. 16, стр. 17—19, 98—100; т. 4, стр. 1—16; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 53—56; т. 16, стр. 195—413; т. 27, стр. 131—227; «Всемирная история», т. V, гл. XXI; т. VI, гл. XI и XXIII; «Очерки новой и новейшей истории США», т. I. М., 1960; М. Н. Захарова. Народное движение в США против рабства. 1831—1860. М., 1965; А. В. Ефимов. США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М., 1969; Ф. Я. Полянский. Указ. соч., гл. IV и XIII.

Подводя итоги сравнительно-историческому обзору генезиса капитализма в важнейших странах Западной Европы и Америки, мы имеем основание сделать следующий вывод: главные этапы изучаемого процесса были одинаковы у всех народов; однако каждый из них переживал этот процесс по-своему, в зависимости от природных, демографических и общественных условий своего развития. Фактический материал вполне подтверждает методологические указания основоположников марксизма-ленинизма: переход от феодализма к капитализму никогда не был синхронным, вполне совпадающим во времени; одни страны в силу благоприятных условий своего экономического развития вырывались вперед, другие отставали от них, иногда на несколько столетий. В этом отношении особенно поучительно сопоставить развитие капитализма в Англии и Соединенных Штатах Америки. Заокеанские колонии Англии не сразу достигли хозяйственного уровня метрополии; чтобы освоить огромные пространства новооткрытого материка и использовать его природные богатства, потребовалось не одно столетие; рабовладение в южных штатах сильно задерживало процесс капиталистического развития.

В силу своих национальных особенностей различные страны обладали разными темпами поступательного движения: достаточно сравнить влияние двух буржуазных революций в Северной Америке с замедленным развитием народного хозяйства в остэльских провинциях Пруссии. Степень революционной активности буржуазии и трудящихся города и деревни оказывала большое воздействие на экономические сдвиги. Закономерное единство ведущего социально-экономического процесса не исключало отдельных моментов реакции и деформации ранее начатого движения: так было в США после завоевания независимости, в Англии после революции 1648—1649 гг. и особенно на Европейском континенте — во Франции и Пруссии.

Наконец, необходимо отметить экономическое взаимодействие развивающихся государств, более или менее близких в пространственном отношении и сходных по уровню своей цивилизации: США смогли воспользоваться готовыми изобретениями своей метрополии, Франция много получила от Англии, а Пруссия — от экономических достижений передовых европейских стран. В эпоху капитализма каждая страна участвовала в общей системе мирового хозяйства и находилась в постоянном сотрудничестве и конкурентной борьбе с другими членами мирового целого.

* * *

Переходя к особенностям генезиса капитализма в России, мы должны поставить перед собой несколько основных вопросов. Каковы те природные, демографические и социально-экономические условия, которые непосредственно предшествовали зарождению российского капитализма? В каком взаимодействии — хозяйственном, политическом и культурном — была наша страна, расположенная на стыке Европы и Азии, с другими европейскими и азиатскими народами? Как повлияли указанные условия на особенности зарождения и раннего этапа развития капитализма? В чем заключались сходство и отличия российского пути капиталистического развития по сравнению с другими, типичными формами перехода от феодальной формации к буржуазной? Наконец, какое влияние оказали эти национальные черты на дальнейшее хозяйственное и политическое развитие государства? Отвечая на эти вопросы, мы должны исходить прежде всего из анализа тех процессов, которые переживало ведущее ядро нашей страны, т. е. Русское государство (предшественник современной РСФСР), в котором зародились и раньше всего получили оформление первые ростки будущей капиталистической системы.

В XVI столетии, которое К. Маркс считал началом мировой капиталистической эры, Россия представляла собой сложившееся централи-

зованное государство, занимавшее большую часть Восточно-Европейской равнины. По своей огромной протяженности она одинаково отличалась от Англии, Франции и Пруссии, но была сходной с североамериканскими колониями Англии: и здесь, и там было более прочно заселенное ядро и огромные, еще не освоенные плодородные земли, прорезанные могучими речными артериями и таившие в себе нетронутые ископаемые богатства. Постепенно заселяясь в различных направлениях, Россия на исходе XVI в. граничила на западе с Швецией и Польско-литовским государством, на севере — с Ледовитым океаном, на востоке продвигалась в западные районы Сибири, на юге вышла на берега Терека.

Начавшуюся колонизацию, так же как в Северной Америке, не могли остановить ни леса, ни болота, ни внутренние горные массивы. Движение населения в сторону Азии заранее облегчалось наличием Урало-Каспийских ворот, через которые в предшествующие века непрерывно вторгались азиатские кочевники, преимущественно печенеги, половцы и татары. Раньше, в период феодальной раздробленности, население Восточно-Европейской равнины оказывалось бессильным остановить эти воинственные набеги. Если английские колонисты в Америке легко отесняли и подчиняли своей властиaborигенов-индейцев, то в Восточной Европе распыленное население оказалось в XIII в. жертвой татаро-монгольского нашествия и на два с половиной столетия было экономически обессилено и оторвано от других ответвлений восточного славянства.

Только прочное объединение вокруг Московского княжества и ослабление Золотой Орды помогли сложившемуся государству сбросить с себя чужеземное иго, победить в борьбе с Казанским и Астраханским ханствами и овладеть всем течением Волги. Однако опасность татарских набегов не прекращалась ни в XVI в., ни в следующие столетия: «дикбе поле» с его богатыми черноземными почвами было ареной непрерывных набегов со стороны Крымского ханства; десятки тысяч пленников и дорогие дежные «поминки» (подарки), не считая разрушения сел и городов, были дорогой ценой за соседство с кочующими ногайцами и крымскими татарами, которых поддерживала Оттоманская Порта.

Продвигаясь со стороны Урала в глухие районы Сибири, Русское государство должно было одновременно ожидать нападений с юга, создавать лесные засеки и сторожевые посты, держать на границах вооруженные отряды и вести искусную дипломатическую игру, чтобы сохранить занятые пространства. Опасность грозила и с запада, со стороны Ливонии, Швеции и Польши. Если огромная протяженность и возможность широкого расселения в разные стороны сближала Россию с американскими колониями, то наличие постоянной военной угрозы резко отличало Россию от заокеанских владений Англии. Монгольское иго и повторяющиеся набеги крымцев наложили отпечаток на всю дальнейшую историю Русского государства, задержав его хозяйственное, политическое и культурное развитие.

Другим существенным отличием России не только от американских колоний, но также от Англии и Франции была удаленность от океанических торговых путей. Россия была континентальной страной, которая в течение долгого времени не могла воспользоваться выгодами великих географических открытий XV—XVI вв. Обладание лишь беломорским побережьем с его замерзающими гаванями лишило ее участия в мировом хозяйстве XVI в.; небольшие городки около Финского залива — Ивангород, Карела, Орешек, Копорье, переходившие то в руки шведов, то обратно к России, тоже были ненадежными пунктами для развития морской торговли. Экономические сношения с Западной Европой велись почти исключительно через сухопутную границу, главным образом через Новгород, Псков и Смоленск; активную роль в этих экономических связях играли иностранные купцы, экспортавшие из России преимущественно сельскохозяйственные продукты.

Только во второй половине XVI в. установилась непосредственная торговля с Англией через беломорские порты и беспрепятственные торговые сношения с восточными странами по Волжскому водному пути. Попытка Ивана Грозного пробиться к Балтийскому побережью и установить более удобные морские связи с Западной Европой не увенчалась успехом: затяжная Ливонская война 1558—1595 гг. не дала России решающей победы.

Также своеобразен был состав населения Русского государства в XVI в. В Северо-Восточной Руси восточнославянские колонисты, пришедшие из Поднепровья, постепенно смешивались с местными финно-угорскими племенами, стоявшими на более низком уровне хозяйственного и культурного развития. Здесь выработался тот тип великорусса, который отличался этническими чертами от белорусской и украинской народностей. Расходясь на север и восток от нечерноземного центра, русские встретили на своем пути достаточно сплоченные и обособленно живущие народности — карелов и ненцев на Кольском полуострове, удмуртов и коми в Закамье, мордву и мари в Среднем Поволжье. Уступая русским колонистам в экономическом и культурном отношении, они подчинились их влиянию, но сохранили особенности своего языка, обычая и быта. Еще более обособленным характером отличались тюркские народы — чуваши и поволжские татары, входившие ранее в состав Золотой Орды и исповедовавшие мусульманскую религию.

Таким образом, основное ядро русского населения уже в XVI в. было непосредственно связано с другими нерусскими народностями и вместе с ними составляло единое Русское государство. В этом было крупное отличие России от Англии и Франции с их однородным этническим составом, результатом давнего слияния кельтов с англосаксами, а галлов с римлянами. Менее однородным составом отличалось население Пруссии: здесь сохранялись остатки ассимилированных прибалтийских славян, а впоследствии — присоединенные поляки Познани; и все же в демографическом отношении Пруссия больше приближалась к Англии и Франции, чем к многонациональному Русскому государству. И здесь прослеживается большое сходство между Россией и североамериканскими колониями: основное ядро населения в северной части заокеанского материка составили англичане, но за ними из разных стран хлынули иммигранты, преимущественно уроженцы Западной Европы. Соединенные Штаты Америки, так же как Россия, стали многонациональным государством.

Однако иммигранты, прибывавшие в Америку, не обособлялись от английских колонистов, а постепенно сливались с ними и совместно образовали единую американскую нацию («янки»).

Наоборот, в России, в процессе ее расширения на запад, юг и восток, к основному ядру великоруссов присоединялись сформировавшиеся народности западных окраин, Кавказа, Сибири и Средней Азии. Каждая из этих народностей имела собственные, ясно очерченные этнические границы, сложившиеся экономические особенности и самостоятельную национальную культуру. Наличие разнородных и пространственно обособленных этнических комплексов делало более сложным и замедленным процесс социально-экономического развития, пока все эти разнообразные народности не соединились в единое социалистическое государство после Великой Октябрьской социалистической революции.

Подводя итог, мы видим, насколько трудными были условия перехода Русского государства от феодального строя к новой капиталистической формации. Сравнительно с западноевропейскими странами и Северной Америкой, наша страна вступала в новую эпоху, отягченная пережитками татарского ига и постоянно грозящей военной опасностью, была удалена от мировых океанических путей и раскинута на широких, мало освоенных пространствах с разнородным составом населения.

Несмотря на эти замедляющие факторы, экономическая жизнь феодального государства продолжала развиваться. После восстановления городов и сел, опустошенных монголо-татарским нашествием, в XIII—XV вв. наступил период заметного оживления. Достижения домонгольского времени не пропали даром; трудовые усилия народных масс и деятельность феодальной власти дали новый толчок росту производительных сил. Крестьяне расчищали леса, преодолевали болотные топи, осваивали новые целинные земли, строили деревни и починки. На смену подсечной системе в сельском хозяйстве все больше применялось трехполье, вводилось унавоживание пашни, появились новые разновидности сох, в том числе двузубая, с полицей, помогавшая более глубокой вспашке. В животноводстве были достигнуты успехи разведением хотя и малорослой, но крепкой породы тяглового и молочного скота. Наряду с лошадьми в земледельческих работах применялись волы и лошаки (гибриды жеребцов с ослицами). В условиях господствующего натурально-потребительского хозяйства домашняя промышленность была соединена с земледелием: крестьянская семья собственными силами изготавливала себе жилище, одежду, обувь и пищу.

Тем не менее не прекращался процесс отделения промышленности от земледелия, в частности в солеварении, бортничестве, рыболовстве, мельничном помоле. Возникали новые города и росло городское ремесло, продолжавшее традиции и успехи домонгольского периода. Совершенствовались трудовые навыки в обработке металлов, дерева, тканей, в производстве кожевенных, стеклянных и гончарных изделий. Грамоты XIV—XV вв. упоминают о специалистах ремесленниках — кузнецах, литейщиках, замочниках, бондарях, шорниках, косторезах, ювелирах и пр. На ткацких станках производились ткани не только из местного сырья (шерсти и льна), но также из привозного шелка и хлопка.

В XVI в. общественное разделение труда одержало еще большие успехи. Усилилась специализация ремесла в производстве металлических, кожевенных, деревообделочных и других изделий, возникли районные центры ремесленной промышленности, большую частью вблизи сырьевых баз — например, железоделательные домницы и мастерские сосредоточились около рудных месторождений в Серпухове, Кашире, Туле, Новгороде, Устюжне Железнopolской и других городах. По мере расширения спроса на различные продукты, ремесло на заказ стало перерастать в мелкое производство на рынок, в различных городах, особенно в Москве, появились торговые ряды с подбором специальных товаров — железный, серебряный, ножевой, сапожный, москательный, житный, рыбный, льняной, «женский» (галантейный) и др.

Появилось немало скупщиков, которые, объезжая деревни и ремесленные центры, свозили большие партии мелких изделий, хлеба, сала и льна в более крупные города. Между различными торговыми районами завязались постоянные экономические связи. Увеличивалось количество мелких сельских и городских торжков, из которых вырастали крупные ярмарки (особенно около монастырей), приуроченные к определенным дням и месяцам года. На такие торжища приезжали не только русские, но также иностранные купцы — из Англии, Голландии, Турции. В развивающуюся торговлю все больше втягивалось население деревни. Города приобретали новый вид и характер: торговые посады с товарными складами и гостиными рядами все шире раздвигали свои границы. Из среды скупщиков выделялись более удачливые торговцы, которые ворочали значительными капиталами. Неэквивалентная торговля драгоценными мехами, оружием, ювелирными изделиями становилась источником накопления денежных средств. Так создавались предпосылки для образования единого национального рынка и подчинения мелкого товарного производства крупным предпринимателям, купцам и промышленникам. И все же экономические успехи XIV—XVI вв. не могли преодолеть хо-

зяйственного отставания России от Западной Европы: торговые центры еще не слились в единый национальный рынок; ремесленные мастерские еще не могли развиться до уровня мануфактур, а город не приобрел того хозяйственного и политического значения, какое имели города XVI в. в Англии, Франции и заселенных американских колониях.

* * *

Результаты массовых трудовых усилий в условиях феодального строя были использованы главным образом крупными землевладельцами и государственной властью. Само образование централизованного государства было подготовлено ростом экономических связей, но оно было захвачено дорогой ценой усиления феодальной зависимости трудящихся землевладельцев. Желание расширить феодальное хозяйство, извлечь из него максимум продуктов и превратить их в денежную форму было характерным и для светских, и для церковных вотчинников: и те, и другие стремились захватить побольше земель и заселить их плательщиками феодальной ренты. В обстановке войн и крымских набегов феодальная власть старалась упрочить свою военную силу при помощи поместной системы. Глава феодального государства считал себя верховным собственником «черных земель», на которых жили зависимые крестьяне, обложенные государственными сборами. Расширяя свое войско, государство раздавало черные земли служилым дворянам; земля была вознаграждением за службу, а ее обработка обеспечивалась рабочею силою хлебопашцев. Уже в XV в. стала распространяться, наряду с продуктовой рентой, крестьянская барщина и росли государственные налоги.

Усиление феодальной эксплуатации вызывало непрерывные переходы крестьян с места на место; многие бежали на юг и восток, чтобы завести самостоятельное хозяйство, свободное от боярских и монастырских захватов, от княжеских и царских поборов, от насилий воевод и помещиков. В XV в. в низовьях Дона сформировалась вооруженная община таких беглецов, известных под названием донских казаков. Несколько позднее в низовьях Яика (Урала) создалась другая такая же община свободного уральского казачества. Отбиваясь от нападений крымских татар и азиатских кочевников, казаки были независимы от центральной государственной власти, но, охраняя южные рубежи, поддерживали с нею связь как с равноправной стороной. Казачьи общины стали притягательными центрами самостоятельной трудовой жизни, куда стекались из лесных и степных районов наиболее сильные и непокорные эксплуатируемые землевладельцы.

Массовые крестьянские побеги особенно усилились во время опустошительной Ливонской войны и сопровождавшей ее опричнины Ивана Грозного. Целые районы лишились трети, а иногда половины своего сельского населения. Крупные землевладельцы оказывали непрерывное давление на правительство, требуя прекращения свободных крестьянских переходов. Уже в конце XV в. в Судебнике 1497 г. право традиционного перехода крестьян было ограничено коротким сроком — «за неделю до Юрьева дня осеннего и неделю после Юрьева дня осеннего», это требование было повторено в Царском судебнике 1550 г. В условиях острого недостатка рабочей силы феодальные собственники добились от царского правительства указа о временном запрещении крестьянского перехода. Этот указ о «заповедных годах», изданный в 1581 г., фактически окончательно прикрепил крестьян к наделу. Сельское население государства было переписано в писцовых книгах и каждого бежавшего крестьянина, после 1592 г., по особо изданному указу, феодальный собственник мог разыскивать и возвращать на старое место.

Ответом на это повсеместное официальное закрепощение была первая крестьянская война под предводительством беглого холопа Ивана Бол

лотникова. Основное ядро восставших составляли бежавшие крестьяне и холопы, к которым примкнули обделенные слои городского населения, казаки и на некоторое время — служилые дворяне, стоявшие в оппозиции к правящему боярству. В отличие от крестьянской войны 1525 г. в Германии, эта первая крестьянская попытка сбросить с себя крепостные цепи отражала социально-экономическую отсталость Русского государства: городские низы не дорошли до сознательных выступлений немецкого городского плебса; несмотря на широкий пространственный охват, восстание страдало внутренней разобщенностью и отсутствием крепкой организации. Крестьянская борьба осложнилась интервенцией со стороны Польско-литовского государства и Швеции и была подавлена превосходящими силами централизованной феодальной власти.

В обстановке нового запустения начала XVII в. феодальные собственники потребовали издания более строгих законов против крестьянских побегов. В 1649 г. правительство, заинтересованное в укреплении обороны на западных и южных границах, пошло навстречу дворянским членам. Соборное уложение 1649 г. отменило всякую давность для розыска бежавших крестьян и холопов; оно превратило сыск беглецов в организованную государственную функцию и обнародовало указы, которые усиливали власть феодалов над крепостными крестьянами. Завершением этого процесса была первая ревизия 1718—1721 гг.: крестьяне были окончательно слиты с холопами, а материалы переписи сделались основой для бессрочного и беспощадного сыска беглецов.

На протяжении XVIII в. крепостное право постепенно расширялось и усиливалось, охватывая новые прослойки сельского населения и превращая землевладельцев в неограниченных распорядителей рабочей силы и всех жизненных отношений крепостного крестьянства. Эта крайняя феодализация хозяйственного строя, близкая к рабовладельчеству, находилась в полном противоречии с социально-экономическим развитием передовых западноевропейских государств. Если Англия, достигшая высокого уровня торговли и промышленности, закрепила свои хозяйствственные успехи буржуазной революцией XVII в., а Франция покончила с пережитками феодализма буржуазно-демократической революцией конца XVIII столетия, то русское крестьянство оказалось беспомощным в своей борьбе за землю и волю. Ни вторая крестьянская война 1667—1671 гг., возглавленная Степаном Разиным, ни Булавинское восстание 1707—1709 гг., ни крестьянская война 1773—1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева не могли опереться на сложившийся класс сильной городской буржуазии. Инициативу и организующее начало во все эти движения вносило свободное казачество, но оно не имело той материальной силы и той сложившейся антифеодальной идеологии, какие обеспечили победу английским и французским социальным низам, руководимым буржуазией.

В Соединенных Штатах Америки существовала еще более жестокая система эксплуатации, чем в России, — рабство негров, закупленных и ввезенных из Африки, но эта система была чужеродным наростом на капиталистическом строе заокеанской республики: в качестве рабовладельцев выступали капиталистические предприниматели, связанные с банковскими кругами и действовавшие в условиях сложившейся буржуазной формации. Американское рабство было ограничено преимущественно южными районами, где находились крупные табачные, сахарные и хлопковые плантации; в северных, более развитых штатах оно было официально запрещено во время борьбы за независимость в XVIII в., а на Юге ликвидировано в результате Гражданской войны между Севером и Югом в 1863 г.

Крепостное же право в России в течение двух с половиной столетий составляло главную основу феодальной собственности, рутинной сельскохозяйственной техники и преобладания натурального хозяйства. Раз-

вление крепостного права в России повторило тот же процесс попятного движения, какой произошел в остэльских провинциях Пруссии в XVI—XVIII вв. Однако в отличие от Пруссии развитие крепостнического строя в России было подготовлено не только ростом барской запашки, но и внешнеполитическими условиями, заставившими феодальное государство в обстановке отсталой экономики создать сильную армию за счет за-крепощаемого сельского населения⁷.

Рост крепостного права в XVII—XVIII вв. не только задержал процесс первоначального накопления, но и наложил печать на все явления общественной и политической жизни. Разгромив боярскую оппозицию, подавив массовые протесты трудящихся города и деревни, приобретя сильную опору в организованной армии и налаженной налоговой системе, правительство легко покончило с остатками сословного представительства. Отражая интересы землевладельцев, оно строго охраняло незыблемость крепостного права, составлявшего основу его собственной военной и финансовой мощи. Самодержавие и крепостное право срослись в единое нерасторжимое целое, были освящены православной церковью и стали источником господствующей патриархально-реакционной идеологии.

Но не следует забывать, что крепостная система охватывала не всех сельских тружеников. Несмотря на интенсивную раздачу и самовольный захват государственных населенных земель, сохранялось и постепенно увеличивалось сословие государственных крестьян, феодально зависимых от казны, но обладавших личной свободой, официально признаваемой законом. Наряду с закрепощенными землевладельцами, в пермских и поволжских лесах, на широких просторах Сибири, в южной степной полосе оседали массы беглых людей, которым удавалось избежать организованных розысков, правительственных переписей и насилий местных органов власти. Это были не только свободные казачьи общины, которые непрерывно росли за счет беглецов, но также самовольные переселенцы, гонимые сектанты и «беспокойные» элементы, которым удавалось самостоятельно возвратить себе утраченную свободу. Так в крепостной России XVI—XVII вв. создавались очаги свободного хозяйственного развития, сходные с американским институтом скваттерства, сложившимся благодаря наличию огромных незаселенных пространств с неосвоенными природными богатствами. Отличие таких самостоятельных хозяйств от скваттерских заключалось в том, что они возникали в пределах феодально-крепостной монархии, не могли использовать выгоды сложившегося капиталистического строя и жили под вечной угрозой преследования и разрушения. Отсюда вытекали примитивный уровень их экономического развития и ненадежность изолированного существования.

За этими пионерами сельскохозяйственной культуры неуклонно двигались на юг и восток крупные землевладельцы и органы государствен-

⁷ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. II. М., 1966; «Очерки русской культуры XIII—XV веков», ч. I. М., 1969; Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.—Л., 1965; Л. В. Черецкий. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960; М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1968; С. В. Бахрушин. Научные труды, т. I. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. М., 1952; А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.—Л., 1948; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.—Л., 1946; В. И. Корецкий. Крестьянская колонизация и особенности процесса закрепощения на юге России в конце XVI в.—«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г.» Кишинев, 1966; Л. Г. Заничева. Крестьянские побеги во второй половине XVII в. (по материалам сыска Г. С. Исупова в Мещерском крае).—Там же; И. М. Кулишер. Очерк истории русской торговли. Пб., 1923; А. П. Пронинский. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону.—«Новое прошлое нашей страны». М., 1967; И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Поздняковская, В. В. Мавродин. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.—Л., 1966.

ной власти, нередко настигавшие свободных поселенцев и сюда надевавшие на них ненавистное ярмо. Этой опасности не могли избежнуть даже боевые казачьи общины, которые постепенно, с помощью казачьей старшины, подчинялись давлению центральной самодержавной власти. Необходимо помнить и о той упорной повседневной борьбе, которая не прекращалась между закрепощенными крестьянами и их владельцами. Только вмешательство правительственные органов могло обеспечить вынужденную покорность сельского населения.

* * *

Однако феодально-крепостному строю уже грозили глубинные экономические процессы, которые совершались в недрах господствующей формации; они должны были на определенном этапе своего развития вступить в неминуемое противоречие с феодальным способом производства. В. И. Ленин назвал XVII век началом «нового периода» в истории России: он связывал эту дату с расширением торговых связей, которые привели к слиянию местных разрозненных рынков в единый национальный рынок централизованного государства.

На обширной, все более расширявшейся территории Восточно-Европейской равнины происходила в этот период борьба двух противоречивых тенденций: с одной стороны, усиливалось крепостное право, поместья сливались с вотчинами, утверждалась власть царского самодержавия; с другой стороны, создавались предварительные условия для возникновения капиталистического хозяйства — углублялось общественное разделение труда, росло количество торговых городов, усиливалось влияние денежного оборота. В самой деревне, не только государственной, но и частновладельческой, все отчетливей обнаруживались признаки имущественного неравенства. Десятки тысяч людей уходили батрачить на Волжский и Сухоно-Двинский речные пути; оборотливые купцы вывозили из Сибири драгоценную пушину, которая сбывалась не только царской казне и феодальной знати, но и зарубежным торговцам; английские, голландские и шведские торговцы вывозили из страны большие партии кожи, сала, хлеба, льна, поташа и других товаров. Расширялась торговля с восточными странами. Происходило, хотя и медленное, накопление денежных капиталов, которые в XVII в. начали частично вкладываться в добывающую и обрабатывающую промышленность (достаточно вспомнить таких предпринимателей-купцов, как Строгановы, Калмыковы, Светешниковы и др.). Появлялись первые, еще слабые ростки капиталистического предпринимательства в форме простой кооперации и мануфактуры. Они возникали преимущественно в нечерноземной полосе, а также на территории присоединенной Левобережной Украины. Эти более крупные промышленные заведения, в частности в металлургии и обработке тканей, отвечали прежде всего потребностям государства в обмунировании и вооружении армии.

Сильнейший толчок развитию крупного производства оказала экономическая политика Петра I, поставившего своей задачей пробиться к морским побережьям и ликвидировать хозяйственное и культурное отставание России от Западной Европы: В ходе Северной войны были с лихорадочной быстротой созданы регулярная армия и военный флот. Правительство стало использовать передовой опыт Западной Европы, выписывая оттуда мастеров и офицеров, производить разведки железной и медной руды, учреждать торгово-промышленные компании, строить крупные металлургические и текстильные мануфактуры. Эта меркантилистическая политика Петра была закономерным явлением; в начале капиталистической эры передовые государства тоже нуждались в поддержке зарождающихся капиталистических предприятий — так было в Англии во время протектората Кромвеля, так было и во Франции при осуществлении хозяйственных планов Кольбера. Несколько позднее, чем в

России, политику меркантилизма применял прусский король Фридрих II. Однако в России насаждение крупного производства встретило два трудно преодолимых препятствия: недостаток частных капиталов и острую нехватку свободной рабочей силы. Несмотря на развивавшуюся неэквивалентную торговлю и пушные богатства осваиваемой Сибири, Россия не имела таких богатых колоний, какими владели Англия и Франция в период восходящего капитализма; сельское население аграрной страны было прикреплено к наделам и выделяло из своей среды меньше отходников, чем этого требовала создаваемая индустрия.

Потребности феодального государства сильно опережали в России процесс первоначального накопления. Феодальная власть должна была проявлять максимальную инициативу, вовлекать в свои хозяйствственные мероприятия состоятельных купцов и дворян, поощрять их субсидиями и премиями, открывать и налаживать казенные предприятия, чтобы позднее передать их в частные руки. Усиливая налоговое обложение, правительство первой половины XVIII в. более или менее справилось с денежной поддержкой открываемых предприятий, но в условиях крепостного права оно было бессильно обеспечить их свободной рабочей силой.

Форсируя развитие крупной мануфактуры, особенно на Урале, с его залежами полезных ископаемых, правительство и частные заводовладельцы прибегли к экономической мере, которой не знала Западная Европа: к промышленным предприятиям были принудительно приписаны десятки тысяч государственных крестьян; предпринимателям было дано разрешение покупать крестьян и использовать их в промышленном производстве. Приписные, посессионные, «вечно отанные» и купленные крестьяне должны были отбывать крепостную барщину на вновь учреждаемых и размножающихся фабриках и заводах. По выражению В. И. Ленина, это была «самобытная» форма крупной промышленности. Она отразила в своем устройстве внутреннее противоречие разнородных экономических признаков: имела крупные размеры, удовлетворяла не только заказы государства, но и требования внутреннего и внешнего рынка, была основана на далеко идущем техническом разделении труда и постепенно совершенствовалась приемы своего производства и трудовые навыки рабочих — это сближало ее с капиталистической мануфактурой в точном смысле этого понятия. Но в большинстве случаев она использовала принудительный труд закрепощенных мелких производителей, органически вырастая из недр феодальной формации. Правда, в начале капиталистической эры превращение свободных людей в фабричных рабочих вызывало затруднения даже в Англии: правительство, поддерживая предпринимателей-капиталистов, загоняло на фабрики нищих, бродяг и преступников, но это было временное, быстро преходящее явление.

Русское правительство не ограничилось такими мерами,— на основании специальных законов оно создало особую форму крепостной мануфактуры, которая просуществовала полтора столетия. Вольнонаемный труд не исчез, он продолжал применяться не только на транспорте, но и в промышленности, иногда в соединении с принудительным трудом, иногда целиком на основе свободного договора. Однако эти первые ростки зарождающихся капиталистических отношений были сдавлены и деформированы всей обстановкой феодально-крепостнического строя: в качестве вольнонаемных рабочих выступали не пролетарии, свободные от средств производства и от личной зависимости, а преимущественно крепостные отходники, состоявшие на оброке и на время, с согласия землевладельцев, отпущеные на заработки; процент горожан (главным образом разорившихся ремесленников) и свободных государственных оброчников был невелик. Кроме того, отношения между предпринимателями и вольнонаемными рабочими подчинялись обычаям и привычкам крепостной страны⁸.

⁸ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. III. М., 1967; И. А. Булыгин, Е. И. Ильдова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов,

Большинство советских историков сходится в том, что процесс нарастания вольнонаемного труда, разлагавший феодальную формацию, начинается приблизительно в 60-х годах XVIII столетия. Именно к этому времени ясно обнаружились результаты социального расслоения в крестьянской среде, образование значительных резервов рабочей силы и наличие частных капиталов, которые могли вкладываться в новые свободные предприятия. Завоевание Балтийского и Черноморского побережий, устойчивый рост внешней и внутренней торговли, освоение золотых, свинцовых и рудных месторождений, подъем производительности труда, связанный с техническими нововведениями (проведением каналов, соединивших Волгу с Балтийским морем, применением гидросиловых установок и цилиндрических мехов на Урале и пр.) привели к слиянию разрозненных ростков капитализма в устойчивую систему капиталистического уклада.

Именно в это время происходит успешное хозяйственное освоение Новороссии, Западной Сибири и Предкавказья, слабо затронутых закрепостительной политикой, широко развиваются мелкие деревенские промислы в нечерноземных губерниях, увеличивается внеземледельческий отход, а из рядов зажиточного крестьянства выделяются не только скопщики, но и крупные промышленные предприниматели. Однако и в этот период наблюдалось экономическое противоречие между передовыми западноевропейскими и американским государствами, вступавшими в стадию промышленного переворота, и крепостной Россией с ее господством ручного ремесленного и мануфактурного труда. Металлургические заводы Урала и крупные полотняные мануфактуры еще сохраняли свою традиционную роль поставщиков железа и полотняных тканей на внешний английский рынок, но все отчетливее и резче передовые умы России осознавали непроизводительность крепостного труда и необходимость наступающего социального перелома. Российские самодержцы, так же как прусские короли, вынуждены были идти на уступки веяниям нового времени: под модным знаменем «просвещенного абсолютизма» была произведена секуляризация церковных имений, введен запрет покупать крепостных для вновь открываемых предприятий, объявлена свобода промыслов, официально признана необходимость смягчения крепостного режима. Но эти прогрессивные меры, так же как в Пруссии, чередовались с реакционно-крепостническими законами и с открытой борьбой против влияния Французской буржуазно-демократической революции⁹.

С. М. Троицкий. Начальный этап генезиса капитализма в России.—«Вопросы истории», 1966, № 10; Е. И. Ильин, А. А. Пребраженский, Ю. А. Тихонов. Классовая борьба крестьянства и становление буржуазных отношений в России.—«Вопросы истории», 1964, № 12; Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. Промышленная политика и управление. М., 1953; его же. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводладельцы. М., 1962; Б. Б. Кафегауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I. М.—Л., 1949; Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953; ее же. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60-х годах XVIII в. М., 1960; А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.—Л., 1929; Н. А. Бакланова. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. М., 1959; И. В. Степанов. Работные люди Поволжья в XVII в. (к вопросу о характере найма).—«Вопросы генезиса капитализма в России». Л., 1960; «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». Сб. статей. М., 1958; Е. Н. Ошанина. К истории заселения Среднего Поволжья в XVII в.—«Русское государство в XVII веке». Сб. статей. М., 1961.

⁹ П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX веках, раздел I. М., 1950; И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века. М.—Л., 1950; Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века. М., 1957; К. Н. Шепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947; А. И. Разгон. Промышленные и торговые слободы и села Владимирской губернии во второй половине XVIII в.—«Исторические записки», т. 32; Е. И. Дружинина. Северное При-

Первая половина XIX в. отмечена такими же колебаниями в социально-экономической политике дворянского правительства: разрешение приобретать ненаселенные земли всем свободным сословиям государства, попытки «безболезненно» ликвидировать крепостное право (законы 1803 г. о свободных хлебопашцах и 1842 г. об обязанных крестьянах, инвентаризация имений на Правобережной Украине) сменялись реакционными мерами самодержавия, неукоснительно охранявшими крепостное право.

В этот период границы Российской империи широко раздвинулись на запад, юг и восток: в ее состав вошли, с одной стороны, экономически развитые Финляндия и большая часть Польши, с другой — народы, стоявшие на разном уровне феодального развития, население Грузии, Армении, Азербайджана, горных районов Закавказья, Бессарабии, Казахстана. Царское самодержавие держалось по отношению к нерусским окраинам традиционной политики национального угнетения, а менее развитые области стремились превратить в колониальный приют Российской империи. Но сила экономического развития сближала между собой разнородные прослойки многонационального государства: между ранее сложившимся центром и населением национальных окраин России росли торговые связи и происходил взаимный обмен трудовыми навыками и плодами массового труда. Сближаясь между собой в условиях повседневной жизни, трудящиеся массы русского и других народов сообща боролись против феодальной эксплуатации и правительенного гнета. Крепостническая система и произвол самодержавия тяготели над всеми народами, задерживая процесс генезиса капитализма и переход к новой, более прогрессивной формации.

Пруссия тоже переживала в это время разложение феодальной формации, но она обгоняла Россию в своем движении к капитализму. После разгрома прусской армии Наполеоном правительство Гогенцоллернов было вынуждено отменить крепостное право и провести буржуазные реформы. Энергии же Александра I хватило только на личное освобождение прибалтийских крестьян и составление бесплодных проектов эманципации и конституции. В Пруссии реформы начала XIX в. дали заметный толчок хозяйственному развитию, а революция 1848 г. в основном ликвидировала остатки феодализма. К 30-м годам XIX в. в Англии, Франции и США закончился промышленный переворот, и крупное производство стало основой утвердившегося капитализма. Наоборот, в царской империи крепостное право по-прежнему оставалось преградой свободному хозяйственному развитию.

Тем не менее и в России рост производительных сил подтачивал устои феодальной формации: возникали новые крупные предприятия, увеличивалось количество промышленных рабочих, возрастали размеры выпускаемой продукции. Вольнонаемный труд все больше вытеснял «фабричную барщину». Так же как в других государствах, переживших стадию капиталистического уклада, текстильная промышленность шла впереди других отраслей производства. Благодаря влиянию мирового хозяйства, в частности ввозу иностранных машин, бумагопрядение целиком основывалось на новой технике. Постепенно, но неуклонно механизировалось ситцепечатание и в меньшей степени — ткачество. Механические станки и паровые двигатели стали вводиться в шерстяном, полотняном и шелковом производствах. Такие же преобразования происходили на бумагоделательных и сахароваренных предприятиях. Даже отсталые гор-

черноморье в 1775—1800 гг. М., 1959; В. М. К а б у з а н. Крестьянская колонизация Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII—первой половине XIX века (1719—1857 гг.). — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». 1964 г.»; А. Д. Б а ч и н с к и й. Основные этапы крестьянско-казацкой колонизации Буджакской степи и низовий Дуная в XVIII — начале XIX века. — Там же; В И. Ж у к о в. Сельскохозяйственное предпринимательство купцов и мещан Бессарабии (1812—1861 гг.). — Там же.

ные заводы начали заменять примитивное кричное производство методом пудлингования и устанавливать у себя паровые двигатели и усовершенствованные прокатные станы. Появление крупных фабричных заводений не ликвидировало мелкого товарного производства. Машинное бумагопрядение, так же как в Англии в конце XVIII в., предъявляло повышенный спрос на ткачей, которые продолжали работать дома на примитивных станках, выполняя заказы крупных предпринимателей.

Введение машин повело к определенным социальным последствиям: появление фабрик не только в городах, но и в деревенских районах стало источником усиленного применения женского и детского труда, заменившего труд взрослых мужчин. Производство дешевого ситца вытесняло ручные полотняные ткани. Стали складываться крупные фабричные центры. Одновременно началось преобразование транспорта — сначала на крупных речных артериях, затем на сухопутных дорогах. На Балтийском, Черном, Каспийском морях, а затем на Волге были организованы регулярные пароходные рейсы. В Сормове (около Нижнего-Новгорода) в 1849 г. стал функционировать крупный машиностроительный завод, принимавший заказы на постройку пароходов. С 1839 г. началась постройка железных дорог, из которых крупное хозяйственное значение приобрела Московско-Петербургская. К началу 60-х годов XIX в. железнодорожная сеть составила 1626 верст. Быстрее и успешнее пошло накопление капиталов: московские и владимирские фабриканты стали при поддержке запретительного тарифа 1822 г. родоначальниками крупных буржуазных династий. Однако успехи промышленности ограничивались преимущественно Центральным нечерноземным районом, Прибалтикой, частично Украиной, Белоруссией и Литвой. Появились первые ростки капитализма в Грузии, Армении и Азербайджане.

В сельском хозяйстве тоже наблюдались новые явления, служившие показателями грядущего перелома от феодальной формации к капиталистической. Все больше расслаивалось крестьянство: его зажиточная верхушка втягивалась в товарно-денежные отношения, выделяя из своей среды подрядчиков, торговцев, скупщиков сельскохозяйственных продуктов, мелких и крупных промышленников; не только в государственной, но и в помещичьей деревне разбогатевшие кулаки покупали и арендовали землю, заводили образцовое, рациональное хозяйство, производили посевы технических культур, сбывали большие партии зерновых хлебов в городские центры. Усилилось стремление преобразовать сельское хозяйство у передовой части помещичьего класса, в течение 30—50-х годов XIX в. возникло несколько десятков сельскохозяйственных обществ, появилась большая агротехническая литература. В некоторых имениях вводилась плодопеременная система и травосеяние, выращивались виноград, подсолнечник, тутовое дерево, применялись усовершенствованные орудия и машины. В южных и юго-восточных губерниях, где было меньше крепостных крестьян и велось предпринимательское сельское хозяйство, применялся массовый труд вольнонаемных рабочих; сотни тысяч обедневших крестьян приходили сюда на сезонные земледельческие работы. Так же как в предыдущий период, на юг и восток шел непрерывный поток беглого крепостного люда. Таким образом, в 30—50-е годы XIX в. начало промышленного переворота сочеталось с первыми завязями капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Однако сохранение крепостного права задерживало развитие новых процессов. В некоторых отраслях промышленности, особенно в металлургии и суконном производстве, продолжал господствовать принудительный труд. Подавляющее большинство землевладельцев неохотно шло на улучшение агротехники, предпочитая следовать привычным приемам: чтобы увеличить свои доходы, они расширяли барскую запашку, осваивали пустоши и повышали крестьянские повинности. В нечерноземных губерниях, где были развиты деревенские промыслы и внеземледельческий

отход, помешники увеличивали денежный оброк, нередко забрасывая собственное хозяйство. Крепостной труд и в промышленности, и в земледелии становился все менее производительным. Крупные землевладельцы, как правило, не жили в своих имениях, плохо учитывали свои доходы и расходы, не имели оборотного капитала и, ведя паразитический образ жизни, закладывали свои населенные земли в правительственные банки. Крестьянская масса страдала от малоземелья, от стихийных бедствий, от недостатка скота и удобрения, от частых неурожаев и эпизоотий. Крепостные не обладали свободой в распоряжении своей рабочей силой: от произвола барина зависело запретить крестьянину заниматься торговлей или промыслами; не только хозяйство, но и семейная жизнь крепостного оставалась во власти душевладельца, который подавлял инициативу и предприимчивость своей «крещеной собственности».

Между достигнутым уровнем производительных сил и феодальными производственными отношениями обнаруживалось все более резкое несоответствие. Феодально-крепостной строй России переживал в этот период нарастающий кризис. Вследствие затянувшегося господства крепостного права Россия подошла к кризису феодальной формации значительно позже, чем страны, жившие в более благоприятных природных и исторических условиях. Англия пережила кризисный период накануне буржуазной революции середины XVII в., США — перед началом борьбы за политическую независимость, Франция — в самом конце XVIII столетия. В Пруссии симптомы грядущего перелома чувствовались в течение всей первой половины XIX в. вплоть до революции 1848 г. Результатом создавшегося положения было еще большее экономическое отставание России от передовых капиталистических государств. Показателем этой отсталости может служить количество выплавленного чугуна: в 1860 г. в Великобритании оно составляло 3982 тыс. т, в США — 934 тыс. т, во Франции — 892 тыс. т, а в России, несмотря на ее огромную территорию и большое население, — только 335 тыс. т¹⁰.

¹⁰ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. IV. М., 1967; Н. М. Дружинин. Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 года. — «Вопросы истории», 1954, № 7; «Очерки экономической истории России первой половины XIX века». Сб. статей. М., 1959; А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940; И. Д. Ковалчченко. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967; Е. И. Дружинина. Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970; А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957; И. Г. Аителава, Э. А. Орджоникидзе, Э. В. Хостария. К вопросу о генезисе и развитии капитализма в сельском хозяйстве и промышленности Грузии. Тбилиси, 1967; Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I и II. М., 1946—1958; «История Сибири с древнейших времен до наших дней», т. II. Л., 1968; С. Я. Боровой. Кредит и банки России. М., 1958.

Окончание следует

